

Назначение, функции и задачи уголовного судопроизводства

Л.М. Володина

Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (Москва, Россия)

The Purpose, Functions and Tasks of Criminal Procedure

L.M. Volodina

Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

Рассматривается соотношение понятий «назначение», «функции» и «задачи» уголовного судопроизводства. Уголовное судопроизводство — один из инструментов власти, обеспечивающий социальную потребность в защите нарушенных прав и законных интересов человека и гражданина, интересов общества и государства. Автор считает, что назначение уголовного судопроизводства следует рассматривать как: защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц, потерпевших от преступления; защиту интересов общества и государства; справедливое и беспристрастное правосудие; уголовное преследование лиц, совершивших преступление, и назначение справедливого наказания виновному, а также отказ от уголовного преследования невиновных и их реабилитацию. Сделан вывод, что под функцией уголовного процесса следует понимать имманентное свойство системы уголовного судопроизводства, обеспечивающее реализацию ожидаемого качества основных направлений деятельности, осуществляемых участниками процесса в соответствии с их ролью и назначением в сфере уголовного судопроизводства. Разграничение функций и задач состоит в ролевом предназначении субъекта деятельности. Функции, определяющие вид деятельности, и решаемые при этом задачи тесно взаимосвязаны. Поэтому следует говорить о функциональных задачах в том или ином виде деятельности. Однако в уголовно-процессуальном законе нет четкого определения функциональных задач органов и должностных лиц, осуществляющих применение норм материального и процессуального права.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, функции, цель, назначение, задачи, правосудие, прокурор, полномочия.

The article discusses the relationship between the concepts of *purpose*, *function* and *tasks* of criminal procedure. Criminal procedure is one of the instruments of power, serving the social need to protect the violated rights and legitimate interests of an individual and a citizen, the interests of the state and society. The author believes that the purpose of the criminal procedure should be regarded as protection of the rights and legitimate interests of individuals and legal entities, victims of crime, protection of the interests of the state and society, fair and impartial justice, prosecution of the perpetrators, and just sentencing for the guilty as well as judgment of *nolle prosequi* of the innocent ones and their rehabilitation. It is concluded that the function of the criminal procedure should be understood as an intrinsic property of the criminal justice system ensuring the implementation of the expected quality of the main activities carried out by participants of the proceeding in accordance with their role and purpose in the field of criminal justice. Discrimination between functions and tasks is based on role the entity activity is aimed at. The functions defining the type of activity and task solution in this case are closely connected. Therefore, one should speak of functional tasks in different forms of activity. However, the Criminal Procedure Act does not clearly define the functional tasks of bodies and officials engaged in the application of substantive and procedural law.

Key words: criminal justice, function, purpose, tasks, justice, prosecutor, powers.

Уголовное судопроизводство как социальная система обладает многофункциональностью. Это ее свойство вытекает из разноплановости задач, решаемых в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Уголовное судопроизводство — один из инструментов власти, обеспечивающий социальную потребность в защите нарушенных прав и законных интересов человека и гражданина, интересов общества и государства.

Об эффективности или неэффективности качества функционирования социальной системы мы можем судить, анализируя результаты деятельности по осуществлению задач, возлагаемых на нее, и в целом по тому, достигнуты ли ожидаемые цели, стоящие перед системой. Сложность определения эффективности уголовного судопроизводства заключается в том, что «функционирование уголовной юстиции складывается из деятельности организационных систем, каждая из которых призвана решать свои специфические задачи. В идеале их решение означает реализацию социальной потребности, ради которой создана уголовная юстиция», — подчеркивает И.Б. Михайловская [1, с. 111].

Функция как уголовно-процессуальное понятие — постоянный предмет обсуждения в правовой науке. Функция в переводе с латинского языка (*functio*) означает исполнение. Это понятие употребляется в значениях: обязанности, круг деятельности, назначение, роль. В науке уголовно-процессуального права существует немало определений функции. Наиболее четким, с нашей точки зрения, отражающим суть понятия, является формулировка, предложенная в свое время П.С. Элькинд, которая говорила о функциях как основных направлениях деятельности, осуществляемых через роль и назначение участников уголовного процесса [2, с. 54–69]. Вместе с тем нельзя обойти стороной позицию ученых, не согласных с определением функции как «направления деятельности», поскольку, по их мнению, подобные трактовки функции могут привести к затруднению в обозначении границ между целями, задачами и функциями. Так, С.А. Капитонов утверждает: «Этого можно избежать, если определить функцию социальной системы, прежде всего, как объективно обусловленное свойство, или способность, обеспечивающее реализацию ожидаемого качества конкретной социальной системы» [3, с. 38].

Предлагаемое определение функции социальной системы представляет интерес: в идеале функция как свойство социальной системы собственно обеспечивает ее жизнеспособность именно ожидаемого качественной результативностью. Функционирующая система предполагает определенную направленность деятельности, и мы вправе ожидать эффективного результата этой деятельности. Однако, с одной стороны, сложно себе представить, как будет «работать» предлагаемое теоретическое понятие «живую» примени-

тельно к конкретным видам (направлениям) деятельности. С другой стороны, в том случае, если результаты деятельности не будут соответствовать ожидаемому качеству, социальную систему придется признать непригодной, поскольку свойство есть не что иное, как признак, внутренне (имманентно) присущий явлению, неотторжимый от него. В этом есть логика: система себя не оправдала и требует качественных изменений или замены. Смущает некоторым образом, что обращение к отдельным видам социальных систем с этой позиции приведет к неутешительным выводам. К примеру, возможно ли признать уголовное судопроизводство как социальную систему пригодной, если функции, заложенные в этой системе как ее атрибутивные элементы (функции обвинения, защиты, правосудия), не всегда обеспечивают ожидаемого качества реализации задач этой социальной системы? Ведь даже в случае вынесения неправомерного приговора названные функции осуществлялись конкретными властными субъектами от лица государства, их носители действовали определенным образом, реализуя свои полномочия.

Конечно, в рамках статьи невозможно дать анализ реализации полномочий всех властных субъектов уголовного судопроизводства и даже одного из них. Тем не менее обратимся к полномочиям прокурора, осуществляющего к тому же в уголовном процессе несколько смежных функций: уголовное преследование, надзор за соблюдением законности деятельности органов предварительного расследования и процессуальное руководство дознанием. Анализируя полномочия прокурора, связанные с осуществлением уголовного преследования, следует обратить внимание на момент начала осуществления этой функции. Ныне в рамках регламентации его полномочий этот момент в уголовно-процессуальном законе достаточно неясен: прокурор не вправе возбуждать уголовное дело. Можем ли мы считать таковым моментом вынесение прокурором постановления о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании? Логически рассуждая, ответим «нет», поскольку в этой ситуации прокурор выступает в качестве «просителя».

Уже не раз обращалось внимание на то, что в разделе «Функции прокурора» рекомендаций Комитета министров Совета Европы от 6 октября 2000 г. №R (2000) 19 «Комитет министров — государствам-членам о роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» недвусмысленно говорится о том, что «прокуроры должны, в любом случае, иметь возможность беспрепятственно возбуждать уголовное преследование против государственных должностных лиц, в особенности за коррупцию, незаконное использование полномочий, грубое нарушение прав человека и за другие правонарушения, признанные междуна-

родным правом». Смысл, суть деятельности прокурора во все времена заключались в его властных полномочиях, направленных на немедленную реакцию государства на совершенное противоправное, общественно опасное деяние. В связи со сказанным, может ли прокурор действительно эффективно осуществлять функцию уголовного преследования, утратив право на возбуждение уголовного дела? И это тем более печально, что всем достаточно хорошо известна «тенденция неуклонного роста числа отказов в возбуждении уголовных дел» и, с другой стороны, тенденция «неуклонного снижения количества возбужденных уголовных дел» [4, с. 73].

Конечно, функция уголовного преследования осуществляется не только прокурором, но и следователем и дознавателем, но в этом случае встает еще одна проблема. Одним из показателей функционирования института уголовного преследования является качество поддержания государственного обвинения в суде. Государственный обвинитель должен сформировать свое внутреннее убеждение на основе глубокого анализа доказательственной информации, иметь возможность изучить материалы уголовного дела, но он лишен этой возможности в силу ограниченности времени, отведенной ему законом [5, с. 40–45]. Непродуманность изменений статуса прокурора в уголовном процессе — постоянный предмет обсуждения в рамках проводимых научно-практических конференций, круглых столов и пр.

Думается, что между анализируемыми понятиями функции нет непроходимого препятствия. Действительно, с одной стороны, в понятие функции заложено объективно обусловленное свойство (способность) системы, обеспечивающее ожидаемый качественный результат ее функционирования и, следовательно, жизнеспособность системы. С другой стороны, результативность, качественное состояние системы невозможны без конкретного вида деятельности в рамках осуществления задач, направленных на достижение цели, ради которой собственно и функционирует система. Только через ролевое предназначение конкретных участников уголовного процесса, через их деятельность, регламентируемую уголовно-процессуальным законом, мы можем судить об эффективности или неэффективности результата и качестве социальной системы в целом.

В связи со сказанным представляется, что под *функцией уголовного процесса следует понимать имманентное свойство системы уголовного судопроизводства, обеспечивающее реализацию ожидаемого качества основных направлений деятельности, осуществляемых участниками процесса в соответствии с их ролью и назначением в сфере уголовного судопроизводства.*

Разграничение функций и задач следует искать в ролевом предназначении субъекта деятельности, ко-

торое и выражается в том или ином ее направлении, задачи же — всегда конкретные предписания. Говоря о функции, мы можем задать вопрос: для чего она существует, каково назначение, какова роль субъекта, ее осуществляющего? Когда же речь идет об определенных задачах, мы спрашиваем: что мы должны делать, как при наименьших затратах достичь оптимального конкретного результата? Одновременно нужно помнить о том, что функции, определяющие вид деятельности, и решаемые при этом задачи тесно взаимосвязаны, между ними нет гранитной стены, они предполагают друг друга. Имея это в виду, мы нередко говорим о функциональных задачах в том или ином виде деятельности.

Цель уголовного процесса достигается путем решения конкретных задач, возложенных на органы дознания, предварительного следствия, суд, прокуратуру. Задачи уголовного процесса не могут быть закреплены в виде декларативных, лозунговых положений, они должны быть жестко определены. Иначе говоря, задачи органов дознания, предварительного следствия, суда и прокуратуры в заданном отношении выступают в качестве средств достижения общей цели уголовного процесса. Решение одной из поставленных задач дает возможность последовательно перейти к решению другой задачи. Однако в уголовно-процессуальном законе нет четкого определения функциональных задач органов и должностных лиц, осуществляющих применение норм материального и процессуального права [6, с. 127–129].

Для обозначения цели уголовного судопроизводства законодатель выбрал термин «назначение». В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова одним из аспектов толкования этого понятия является «цель, предназначение» [7, с. 373]. Строго говоря, понятия эти не совпадают в полной мере. Термин «назначение», кроме прочего, может означать определенную сферу (область) применения. «Предназначение» по смысловой нагрузке в большей степени есть ролевая характеристика явления, определяющая его место в системе взаимосвязанных явлений реальной действительности. Применительно к уголовному процессу этот аспект понятия вовсе не противоречит нашему представлению о цели уголовного судопроизводства. Предназначение и цель судопроизводства едины, и законодатель, уловив и отразив это единство, избрав термин «назначение», может быть, более четко определил тем самым и сущность уголовного процесса.

И.Г. Смирнова справедливо замечает, что назначение уголовного судопроизводства «основано на социальной потребности существования правовых норм, регулирующих отношения в сфере уголовного судопроизводства», но далее, раскрывая содержание высказанной мысли, пишет: «...т.е. ориентировано на начальный момент уголовно-процессуальной деятельности». «Во-вторых, — утверждает она, — при-

знанный и нормативно закрепленный примат интересов личности более правильно рассматривать как ограничение системы, а не ее назначение» [8, с. 25].

Приведенное суждение порождает ряд вопросов. Во-первых, социальная потребность существования правовых норм, регулирующих любой вид общественных отношений, вообще не может быть ориентирована только на какой-либо момент какого бы то ни было вида деятельности, за исключением, пожалуй, случаев немедленного реагирования на особые ситуации, требующие временного правового регулирования (например, чрезвычайные ситуации). Потребность в регламентации конкретных общественных отношений возникает в социуме в ходе развития общественных отношений и, являясь побудительной силой развития этих отношений, реализуется в праве. Правовой порядок, установленный для реализации этой социальной потребности, существует во временном отрезке, отведенном именно ходом развития общественных отношений, до тех пор, пока будет существовать в обществе собственно эта потребность. Сфера уголовно-процессуального регулирования, обладая определенной спецификой, существует не в замкнутом пространстве, а в общем правовом пространстве и подчиняется общим закономерностям правового регулирования. Во-вторых, уголовно-процессуальное право как отрасль права призвано упорядочить отношения, связанные с необходимостью защиты прав и законных интересов потерпевшего в связи с совершенным преступлением. Именно для этого существует уголовное судопроизводство как инструмент власти государства. Назначение уголовного судопроизводства предопределено прежде всего потребностью конкретного человека в защите нарушенных прав и законных интересов: граждане обращаются в полицию, в прокуратуру, в суд тогда, когда в отношении их совершено противоправное деяние, требуя вмешательства и помощи государства, справедливой судебной защиты, восстановления нарушенного права. Именно поэтому государство обязано найти преступника, изобличить его и наказать, и это делается посредством возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел.

Трудно объяснить непоследовательность позиции законодателя и понять его молчаливый отказ от защиты интересов общества: любое преступление есть общественно опасное деяние, государство обязано защищать от преступных посягательств и отдельную личность, и общество в целом. Нельзя забывать, что уголовно-процессуальное право — отрасль публичного права, что уголовное судопроизводство — один из инструментов государственной власти. Формулируя назначение уголовного судопроизводства, законодатель должен был четко отразить необходимость защиты интересов общества и государства. Таким образом, *назначением (целью)*

уголовного судопроизводства прежде всего является защита прав потерпевшего, защита интересов общества и государства от преступления и его последствий [9; 10].

В силу того, что общество заинтересовано в стабильности и правопорядке, оно требует от государства осуществления уголовного преследования преступника и его наказания в соответствии с законом. Без обнаружения преступника, его изобличения не может быть достигнута основная цель уголовного процесса — восстановление нарушенных прав потерпевшего. Часть вторая ст. 6 УПК РФ должна была бы сказать об этом четко и последовательно: «...*назначением уголовного судопроизводства является также уголовное преследование лица, совершившего преступление, и применение к виновному справедливого наказания*». Назначение наказания — итог уголовно-процессуальной деятельности: этим определяется мера должного воздаяния виновному за содеянное им зло. С другой стороны, вынесение приговора с назначением наказания означает, что права потерпевшего восстановлены, а общество защищено от преступника.

Обращает на себя внимание, что ст. 6 УПК РФ упоминает справедливость лишь в соотношении с назначением наказания. Исходя из требований международно-правовых стандартов понятие справедливости имеет более широкое смысловое значение: оно заложено в содержание правосудия. Кроме того, совершенно очевидно, что *справедливость правосудия — не прерогатива обвиняемого, справедливость судебного решения прежде всего (должна быть!) направлена на защиту прав потерпевшего*.

Анализ прецедентной практики Европейского Суда дает основание говорить о том, что право на справедливую судебную защиту емко. Оно включает в свое содержание в числе прочих элементов: право потерпевшего на адекватность средств защиты прав и законных интересов, его право на восстановление нарушенных прав и соответствующую компенсацию причиненного вреда. Ряд ученых толкуют содержание ст. 6 УПК РФ как неудачную формулировку задач уголовного процесса или считают, что формулировка статьи искажает истинные цели уголовной юстиции [11, с. 7; 12, с. 24–27]. Так, по мнению Э.Ф. Побегайло, «ограничение назначения уголовного судопроизводства лишь решением задач, сформулированных в ст. 6 УПК РФ (несмотря на их бесспорную важность!), означает извращение истинного содержания публичных интересов в рассматриваемой сфере» [12, с. 26]. И.Б. Михайловская видит уязвимость формулировки закрепленного в законе назначения уголовного судопроизводства в том, что законодатель неверно избрал «последовательность перечисления „объектов защиты“», утверждая, что «центральной характеристикой процессуальной формы являются положение обвиняемого и сред-

ства, которые могут быть использованы для установления его виновности» [1, с. 115]. Признание права потерпевшего на защиту одной из приоритетных целей уголовного судопроизводства до сих пор воспринимается неоднозначно. Происходит это, как представляется, вследствие отсутствия законодательного разграничения целей и задач уголовного судопроизводства. Целеполагание — направленность в будущее; задачи — конкретика сегодняшнего дня: решая задачи, приближаем будущее. Задачи как средства достижения цели должны выражать смысл деятельности каждого органа, действующего в этой сфере. Органы предварительного следствия, органы дознания, прокурор, суд действуют в направлении достижения единых целей, но задачи, стоящие перед ними, имеют определенную специфику, при этом они, действуя от имени государства, используют свои методы и способы в решении этих задач.

Представляется, что содержание нормы, определяющей назначение уголовного судопроизводства, должно включать в качестве одного из основных элементов *справедливое и беспристрастное рассмотрение и разрешение уголовного дела* — и это равным образом относится и к обвиняемому, и к потерпевшему.

Сказанное дает основание сформулировать *назначение уголовного судопроизводства как защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц, потерпевших от преступления, защиту интересов общества и государства, справедливое и беспристрастное правосудие, уголовное преследование лица, совершившего преступление, и назначение справедливого наказания виновному, а также отказ от уголовного преследования невиновных и их реабилитацию.*

Государство должно обеспечить функционирование уголовного судопроизводства в заданном направлении, четко и последовательно определив его приоритеты, задачи органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, полномочия властных субъектов сообразно их роли в уголовном судопроизводстве, установив правила и требования процедурного характера, а также гарантии их реализации. Механизм обеспечения справедливого правосудия должен предполагать прежде всего четкость целей и задач, поставленных перед уголовным судопроизводством, поскольку эффективность любого вида деятельности зависит от целевой программы и конкретизации задач как средств ее осуществления.

Библиографический список

1. Михайловская И.Б. Социальное назначение уголовной юстиции и цель уголовного процесса // Государство и право. — 2005. — № 5.
2. Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. — Л., 1963.
3. Капитонов С.А. Основы управления внутренними делами : учебное пособие. — М., 2001.
4. Скобликов П.А. Мотивы необоснованных и незаконных отказов в возбуждении уголовных дел // Уголовный процесс. — 2013. — № 4.
5. Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. — СПб., 2005.
6. Володина Л.М. Цели и задачи уголовного процесса // Государство и право. — 1994. — № 11.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. — М., 1990.
8. Смирнова И.Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — Томск, 2012.
9. Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. — Тюмень, 1998.
10. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. — М., 2006.
11. Азаров В.А. Цели нового российского уголовного производства // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменения. — Омск, 2003.
12. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. — М., 2006.